

Правда нашей войны.

Подъ такимъ заглавіемъ въ іюньской книжкѣ „Русской Мысли“ Димитрій Муретовъ помѣстилъ статью о принципіальномъ смыслѣ нынѣшней войны, объ оправданіи ея. Во имя какой цѣнности она ведется?

Нѣкоторые, желая подчеркнуть значеніе настоящей войны, усвоили для нея названіе отечественной. Этимъ признается, что защищаемой цѣнностью является самое существованіе Россіи. Но, говорить авторъ, нельзя не видѣть въ такомъ утверженіи преувеличенія. Столкновеніе ни съ однимъ изъ государствъ, по счастью, уже не можетъ грозить Россіи гибелью, и объ отечественной войнѣ могутъ говорить безъ преувеличеній развѣ лишь Сербія и Бельгія. Если бы рѣчь шла о нашемъ историческомъ бытіи, а не о той исторической роли, которую стремится Россія играть, то, можетъ быть, и внуки наши еще не дожили бы до столкновенія съ Германіей. Поэтому, если нужно слово для опредѣленія смысла нашей войны, то такимъ словомъ должно быть не *отечественная* война, но война *національная* или *исторически-національная*.

Чтобы опредѣлить смыслъ этихъ словъ, надо обратить вниманіе на то, чѣмъ отличается народъ или нація отъ другихъ формъ человѣческаго единенія. Въ народъ объединяются въ нѣкое единство не только люди, но цѣлыя поколѣнія людей. Народъ имѣетъ не только объемъ, но и историческую глубину. Народъ не есть понятіе социальное, но историческое. Онъ образуется лишь

тамъ, гдѣ образуется нѣкоторое духовное развитіе культурно-исторической процессъ, гдѣ поколѣніе отошедшее продолжаетъ жить въ созданіяхъ своего творчества среди смѣнвшихъ его поколѣній и гдѣ живые творятъ и трудятся надъ тѣмъ, что пожнутъ ихъ невѣдомые потомки. Народность даннаго народа есть совокупность цѣнностей, созданныхъ его историческимъ развитіемъ.

Национальная война поэтому есть война, ведущаяся извѣстной совокупностью людей именно въ силу того, что они чувствуютъ себя наслѣдниками извѣстныхъ историческихъ цѣнностей, участниками нѣ котораго историческаго единства. Такая война навязывается неизбежно, какъ необходимость, и является обязанностью для даннаго поколѣнія, повелительно диктуемой прошлымъ и будущимъ. Въ нынѣшней войнѣ это особенно замѣтно. Ея дѣйствительная причина гораздо глубже ея видимыхъ поводовъ. Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ послужило, какъ извѣстно, австро-сербское столкновение. Но, конечно, изъ такой сравнительно незначительной причины не возникъ бы міровой пожаръ, если бъ вопросомъ о государственной независимости Сербіи или объ австрійскомъ на нее вліяніи не оказались задѣты какія то цѣнности, поступиться которыми не могли ни мы ни германцы. Какія же это были цѣнности?

Наша дипломатія указывала, какъ на основное побужденіе — на защиту принципа международной справедливости. Однако, эти соображенія могутъ оправдать объявленіе войны, а не самую войну, поведеніе правителей, а не дѣяніе народовъ. Не на защиту принциповъ международнаго права и не во имя статей какихъ-нибудь трактатовъ подняли мы свое оружіе, а за нѣкоторую конкретную историческую цѣнность. Та основная цѣнность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая въ своемъ ростѣ вышла за предѣлы племенного своего бытія и стремится къ міровой роли. Только въ процессъ этого расширенія, стремясь очертить за границами своего государства сферу своего вліянія, русская народность столкнулась съ германскимъ міромъ. Со всѣмъ, кромѣ нашей славянской политики, мирилась нѣмецкая государственность. Со всякимъ духовнымъ движеніемъ въ Россіи, кромѣ славянофильства, мирилась нѣмецкая мысль; но зато предъ этой идеей самые свободомыслящіе изъ нѣмцевъ останавливались въ злобномъ недоумѣніи. Либеральнѣйшій изъ нѣмецкихъ историковъ Шерръ восклицаетъ: „Панславизмъ есть химера: спереди медвѣдь, сзади свинья, посрединѣ змѣя“.

Национальное объединение Германии закончилось, собственно говоря, лишь со времени заключения тройственного союза. Лишь съ прекращеніемъ соперничества между Австріей и Пруссіей германскій міръ обратился въ одно цѣлое, и не случайно то, что съ этого приблизительно времени, т. е. со временъ войны 1878 года, мы находимся съ этимъ германскимъ міромъ, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, въ непрерывномъ „состояніи войны“. Черезъ Габсбургскую монархію цѣлый рядъ славянскихъ народовъ оказался втянутымъ въ объединенный германскій міръ и обращенъ въ орудіе германскаго политическаго могущества.

Является ли для Германии борьба со славянствомъ исторической необходимостью, или она могла свободно существовать, не втягиваясь въ эту борьбу, не руководится ли нѣмецкая политика эгоистическими стремленіями и склонностью къ эксплоатации сосѣднихъ народовъ,—на эти вопросы могутъ и должны отвѣтить міру и своей совѣсти нѣмцы. Если бы имъ удалось, доказать, что безъ Австріи и безъ балканской ея политики и безъ союза съ Турціей германскій міръ не можетъ существовать, что это неустранимыя ея историческія задачи, отъ которыхъ отказаться она не можетъ, не отказавшись отъ историческаго своего пути, то мы должны были бы видѣть въ нашей войнѣ одно изъ трагическихъ столкновеній исторіи, когда два народа толкаются на борьбу внутреннимъ развитіемъ своихъ народностей и когда вопросъ о правой и виноватой сторонѣ становится неумѣстнымъ. Но для насъ не столь важно, что именно руководить Германией. Для насъ важно то, что она стала поперекъ нашего историческаго пути и что этотъ историческій путь мы сознаемъ, какъ смыслъ и правду историческаго нашего бытія...

(Странникъ. Августъ—Сентябрь 1915 г. стр. 1048—1050).